

УДК 159.923.2

DOI 10.5930/1994-4683-2025-11-288-294

## **Возрастная специфика проявления диспозиций насильственного экстремизма в образовательной среде**

**Филиппова Светлана Анатольевна**, кандидат психологических наук, доцент

**Пазухина Светлана Вячеславовна**, доктор психологических наук, доцент

**Тулский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого**

**Аннотация.** Профилактика экстремизма в академической среде является одним из аспектов обеспечения безопасности образовательного процесса и общества в целом. Теоретико-методологической основой исследования выступает личностно-ориентированный подход, учитывающий ценностно-смысловое содержание представлений о мире лиц разного возраста.

**Цель исследования** – выявление возрастной специфика проявления диспозиций насильственного экстремизма в образовательной среде, оценка выраженности таких диспозиций у студентов и преподавателей. Гипотеза: возраст влияет на выраженность проявлений диспозиций насильственного экстремизма: у взрослых выраженность значений ниже, чем у молодежи.

**Методы и организация исследования.** В исследовании приняли участие студенты и преподаватели вузов от 18 до 64 лет. Диагностический инструмент: методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма Давыдова Д.Г., Хломова К.Д. Применяли также анализ литературных источников. Методы математической статистики.

**Результаты исследования и выводы.** Выявлено, что образовательная среда демонстрирует благополучную картину по изученному критерию: средние показатели проявления диспозиций насильственного экстремизма в выборке лежат в пределах нормативных значений. Средние показатели выраженности признаков насильственного экстремизма у учащихся юношеского возраста (18-21 год) выше, чем у старшей группы (старше 30 лет). Это означает, что выраженность диспозиций насильственного экстремизма уменьшается с возрастом. Разница между группами молодых студентов (22-30 лет) и взрослых (старше 30 лет) оказалась незначительна. Существует возрастная специфика проявления диспозиций насильственного экстремизма в образовательной среде: экстремистские установки более свойственны лицам юношеского возраста. Необходим индивидуальный подход к профилактической работе в образовательных учреждениях, учитывая выявленные закономерности возрастного распределения диспозиций.

**Ключевые слова:** педагогическая психология, насильственный экстремизм, возрастные особенности, образовательная среда.

## **Age-specific manifestations of dispositions towards violent extremism in the educational environment**

**Filippova Svetlana Anatolevna**, candidate of psychological sciences, associate professor

**Pazukhina Svetlana Vyacheslavovna**, doctor of psychological sciences, associate professor

**Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University**

**Abstract.** The prevention of extremism in the academic environment is one aspect of ensuring the safety of the educational process and society as a whole. The theoretical and methodological basis of the study is a person-centered approach, taking into account the value-semantic content of individuals' worldviews across different ages.

**The purpose of the study** is to identify the age-related characteristics of the manifestation of violent extremism dispositions in the educational environment and to assess the extent of these dispositions among students and teachers. Hypothesis: age affects the intensity of violent extremism dispositions, with adults exhibiting lower levels than young people.

**Research methods and organization.** The study involved university students and faculty members aged 18 to 64. Diagnostic tool: the method for diagnosing dispositions toward violent extremism by D.G. Davydov and K.D. Khlomov. Literary sources were also analyzed. Methods of mathematical statistics were applied.

**Research results and conclusions.** It has been found that the educational environment demonstrates a favorable picture according to the studied criterion: the average indicators of the manifestation of violent extremist dispositions in the sample are within normal ranges. The average levels of the expression of violent extremist traits in adolescent students (ages 18-21) are higher than those in the older group (over 30 years). This indicates that the expression of violent extremist dispositions decreases with age. The difference between the groups of young students (ages 22-30) and

adults (over 30) proved to be insignificant. There is an age-specific pattern in the manifestation of violent extremist dispositions in the educational environment: extremist attitudes are more typical of adolescents. An individual approach is required in preventive work within educational institutions, taking into account the identified patterns of age-related distribution of these dispositions.

**Keywords:** educational psychology, violent extremism, age characteristics, educational environment.

**ВВЕДЕНИЕ.** Профилактика экстремизма в студенческой среде является одним из аспектов обеспечения безопасности образовательного процесса и общества в целом. Актуальной задачей является мониторинг и оценка безопасности образовательной среды, выявление предрасположенности к радикальным идеям и взглядам у профессорско-преподавательского состава.

В современных исследованиях широко освещены проблемы оценки рисков, выявления факторов формирования экстремистского поведения, профилактики деструктивных форм адаптации молодежи и пр. Исследователями сформирован возрастной и социальный портрет экстремиста, показаны группы риска. Е.И. Дешина и А.Н. Меркулова подчеркивают, что молодежь – наиболее подверженная влиянию экстремизма и терроризма в сети Интернет социально-демографическая группа [1]. Г.В. Ярошенко с соавторами установили статистически значимые связи между показателями, характеризующими экстремистские наклонности, и такими факторами, как пол, возраст, место проживания, состояние здоровья и факультет обучения [2]. В исследовании С.В. Яремчук и С.М. Ситяевой показаны связи между полом и возрастом, родом занятий и склонностью к экстремистским установкам [3]. Социально незащищенные подростки и молодежь находятся в группе риска снижения показателей психологического благополучия, что чревато фрустрацией потребности в безопасности (R. X. Liu и др. [4], W. Koomen и Van der Pligt [5]); это создает предпосылки к формированию дисфункциональных способов адаптации.

В исследованиях А.А. Саидова, М.Ю. Воронина, Л.Р. Темирзевой, И.Б. Бовиной с соавторами показаны факторы и механизмы распространения идеологии [6–9]. И.Б. Гайворонская с соавторами показывают механизмы вербовки посредством сети Интернет [10]. В. Doosje и др. в ряду факторов радикализации исламской молодежи в Нидерландах выделяют личную неопределенность, ощущение несправедливости и угрозы для группы [11].

Ю.И. Джембек с соавторами, З.А. Рамазанова, А.А. Гребенюк, С.М. Ситяева, С.В. Яремчук, С.К. Хадиков изучают психологические предикторы насильственного экстремизма [12–15]. Е.В. Бродовская с соавторами указывают на связь конформности и протестных установок современной молодежи [16].

Ряд исследований посвящен характеристикам целей и ценностей, стоящих за экстремистской идеологией: М.В. Кроз и Н.А. Ратинова исследуют ценностные ориентации преступников-террористов [17], Д.П. Ищенко и Д.К. Григорян оценивают молодежный экстремизм в категориях самореализации в обществе и достижениях власти [18]. С.С. Brugh и др. характеризуют гендерную специфику и статистику участия в терроризме, преследующем религиозные цели и ценности [19]. П.Н. Казберов и Б.Г. Бовин показывают, что наибольшую выраженность у лиц, осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности, приобретают мотивы мести, обиды и стремления к острым ощущениям [20].

В исследованиях подчеркивается важность разработки коррекционных мер и профилактики радикализации. Модели, формы, методы и технологии профилактики и противодействия проникновению идеологии экстремизма и терроризма в образование отражены в масштабных исследованиях В.Н. Ремарчука и др., В.П. Коняхина с соавторами [21, 22].

В практико-ориентированных исследованиях подчеркивается значение единства диагностики, коррекции и профилактики, целесообразность формирования групп риска и адресность оказания психологической помощи и социальной поддержки. В данном исследовании предполагается, что оценка рисков и профилактика радикализации молодежи должны строиться с учетом половозрастных характеристик проявления диспозиций насильственного экстремизма как в студенческой, так и в преподавательской среде.

**МЕТОДИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ.** В исследовании приняли участие 253 респондента: студенты и преподаватели ТГПУ им. Л.Н. Толстого (Тула), КГУ им. Циолковского (Калуга), БГУ (Минск). Выборка включает: 215 женщин и 38 мужчин в возрасте от 18 до 64 лет. Для оценки возрастной динамики выборка была разделена на 3 возрастные группы: группа А: студенты 18–21 года ( $M=19,3$ ,  $SD=1,5$ ); группа В: студенты 22–30 лет ( $M=25,8$ ,  $SD=3,4$ ); группа С: преподаватели 30 лет и старше ( $M=42,3$ ,  $SD=8,6$ ). Диагностический инструмент: методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма Д.Г. Давыдова, К.Д. Хломова.

**ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ** – выявление возрастных особенностей проявления диспозиций (в сторону усиления или ослабления). Гипотеза исследования: существуют различия в выраженности проявления диспозиций насильственного экстремизма у лиц разных возрастных групп. Для обработки полученных данных применялся статистический анализ.

**РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Результаты показывают в целом благополучную картину: средние значения в выборках находятся в пределах нормы. При этом во всех трех выборках наблюдаются сходные проявления выраженности показателей по отдельным шкалам:

- во всех возрастных группах самые высокие значения имеют шкалы «культ силы», «конвенциональное принуждение», «интолерантность», «антиинтрацепция»;
- менее выражены во всех трех группах показатели по шкале «допустимость агрессии» (табл. 1).

Таблица 1 – Статистические показатели выраженности шкал в выборке ( $N=253$ )

| Шкала                        | Выборка А<br>( $n=188$ ) |       | Выборка В<br>( $n=32$ ) |       | Выборка С<br>( $n=33$ ) |       | Нормативные значения |
|------------------------------|--------------------------|-------|-------------------------|-------|-------------------------|-------|----------------------|
|                              | Мед.                     | Сред. | Мед.                    | Сред. | Мед.                    | Сред. |                      |
| 1                            | 2                        | 3     | 4                       | 5     | 6                       | 7     | 8                    |
| Культ силы                   | 17                       | 17,0  | 16                      | 16,3  | 16                      | 17,0  | <23                  |
| Допустимость агрессии        | 11                       | 12,2  | 11                      | 11,8  | 11                      | 12,2  | <23                  |
| Интолерантность              | 17                       | 16,8  | 16                      | 15,8  | 15                      | 14,7  | <23                  |
| Конвенциональное принуждение | 18                       | 17,7  | 16                      | 17,2  | 16                      | 14,7  | <21                  |
| Социальный пессимизм         | 14                       | 14,5  | 15                      | 14,4  | 14                      | 12,7  | <23                  |
| Мистичность                  | 16                       | 15,5  | 16                      | 14,9  | 14                      | 13,6  | <23                  |

| Продолжение таблицы 1    |    |      |    |      |    |      |     |
|--------------------------|----|------|----|------|----|------|-----|
| 1                        | 2  | 3    | 4  | 5    | 6  | 7    | 8   |
| Деструктивность и цинизм | 17 | 17,0 | 16 | 15,9 | 14 | 13,7 | <23 |
| Протестная активность    | 16 | 16,2 | 16 | 16,7 | 15 | 15,5 | <23 |
| Нормативный нигилизм     | 16 | 16,7 | 16 | 16,3 | 16 | 15,2 | <23 |
| Антиинтрацепция          | 18 | 17,9 | 18 | 17,4 | 17 | 16,0 | <21 |
| Конформизм               | 14 | 14,4 | 14 | 13,7 | 14 | 13,1 | <23 |

В соответствии с интерпретацией опросника о выраженной склонности к проявлению диспозиций насильственного экстремизма говорят, когда повышенные показатели обнаружены по 4 и более шкалам. Эти данные по трем возрастным группам показаны в таблице 2.

Таблица 2 – Данные по респондентам, продемонстрировавшим неблагоприятные показатели по тесту (N=253)

| Выборки:                                                   | Выборка А<br>(n=188) | Выборка В<br>(n=32) | Выборка С<br>(n=33) |
|------------------------------------------------------------|----------------------|---------------------|---------------------|
| Повышенные значения по 4-м и более шкалам, кол-во чел. / % | 11 / 5,85%           | 1 / 3,13%           | 1 / 3,03%           |

Видно, что в каждой возрастной группе в незначительном количестве присутствуют респонденты с выраженными проявлениями диспозиций насильственного экстремизма.

Далее оценивались проявления диспозиций насильственного экстремизма у лиц разного возраста. Выбор критерия проведения сравнения выборок на значимость различий был осуществлен на основе проверки равенства дисперсий (табл. 3).  
Таблица 3 – Результат оценки равенства дисперсий выборок (N=253)

| Сравниваемые дисперсии | Коэффициент | Вывод              |
|------------------------|-------------|--------------------|
| А и В                  | 0,205448    | Дисперсии равны    |
| В и С                  | 0,524708    | Дисперсии равны    |
| А и С                  | 0,036364    | Дисперсии не равны |

Таким образом, для оценки значимости различий при равных дисперсиях применялся t-критерий Стьюдента, для неравных дисперсий – аналог t-критерия Уэлча.

Выдвигались 2 гипотезы:

- выборки разного возраста различаются в выраженности проявлений диспозиций насильственного экстремизма;
- в выборках более старшего возраста выраженность значений ниже, чем в выборках юношей и молодежи (есть тенденция к возрастному снижению) (табл. 4).

Таблица 4 – Результаты попарного сравнения выборок на значимость различий (N=253)

| Выборки:                                                    | Коэффициент значимости различий между выборками |                         |                         |
|-------------------------------------------------------------|-------------------------------------------------|-------------------------|-------------------------|
|                                                             | А и В<br>(двусторонний)                         | В и С<br>(двусторонний) | А и С<br>(двусторонний) |
| Гипотеза: значения в выборках различаются                   | 0,04496*                                        | 0,237212                | 0,037744*               |
| Выборки:                                                    | А и В (односторонний)                           | В и С (односторонний)   | А и С (односторонний)   |
| Гипотеза: значения в выборке более старшего возраста меньше | 0,02248*                                        | 0,118606                | 0,000106*               |

\*статистически значимые различия по t-критерию Стьюдента и аналогу Welch's t-теста.

Как показали результаты статистического анализа, гипотезы частично подтвердились. Наблюдаются различия в выраженности показателей проявлений насильственного экстремизма в выборках разного возраста: между юношами и молодыми людьми, между юношами и взрослыми. Выявлена возрастная динамика снижения выраженности показателей проявлений насильственного экстремизма: у юношей показатели более высокие, чем у молодых людей и взрослых, различия между молодыми людьми и взрослыми отсутствуют.

**ВЫВОДЫ.** Результаты исследования в целом демонстрируют достаточно благополучную картину в отношении указанной проблемы в выборке: средние значения в выборках находятся в пределах нормы. Во всех трех возрастных группах зарегистрированы сходные проявления выраженности показателей по отдельным шкалам: во всех возрастных группах самые высокие значения имеют шкалы «культ силы», «конвенциональное принуждение», «интолерантность», «антиинтрацепция»; менее выражены во всех трех группах показатели по шкале «допустимость агрессии». Это свидетельствует о лояльности установок респондентов в отношении силы как средства решения проблем в сочетании с установкой на силовое принуждение к выполнению законов, социальных норм и предписаний. Также высокий ранг имеют установки на неприятие и отрицание права других людей быть иными, отличаться и следовать своим уникальным ценностям, обычаям или взглядам, а также установки антиинтрацепции: сложность восприятия и принятия внутриспсихических явлений (чувств, эмоций, индивидуальности). Низкие значения по шкале «допустимость агрессии» на фоне выраженных перечисленных выше шкал, возможно, говорят об отсутствии открытого одобрения агрессивного поведения при наличии скрытой лояльности к таковому в случае применения силы для конвенционального принуждения лиц, чье поведение не соответствует общественным стандартам. Полученные сведения необходимо учитывать при разработке содержания профилактической работы.

Выявлена возрастная динамика проявлений диспозиций насильственного экстремизма, проявляющаяся в количественных и качественных показателях: содержательные характеристики диспозиций аналогичны во всех возрастных группах. Выраженность проявления диспозиций насильственного экстремизма снижается с возрастом: проявления насильственного экстремизма у юношей более выражены, чем у молодых людей и взрослых; молодых людей и взрослых можно объединить по этому критерию в одну группу.

Учитывая обнаруженные возрастные аспекты, можно утверждать, что студенты, в большей степени, чем профессорско-преподавательское сообщество, являются носителями радикальных идей.

Проведённое исследование направлено на выявление возрастных особенностей проявления диспозиций насильственного экстремизма в образовательной среде. Достигнута основная цель исследования, состоящая в определении различий в выраженности таких диспозиций у студентов и преподавателей.

Полученные данные предоставляют информацию для психологов, педагогов и организаторов воспитательной работы в учебных заведениях. Они могут служить основанием для разработки содержания специализированных программ профилактики экстремизма, направленных на повышение толерантности, развитие

стрессоустойчивости, ответственности, критического мышления и адекватных механизмов саморегуляции среди студентов и преподавателей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ.

1. Дешина Е. И., Меркулова А. Н. Молодежь как наиболее подверженная влиянию экстремизма и терроризма в сети Интернет социально-демографическая группа // ОБЗОР.НЦПТИ. 2019. № 1 (16). С. 54–61. EDN: ZCZMGL.
2. Ярошенко Г. В., Белуженко О. В., Иванова Л. Л. Полиаспектное исследование диспозиций насильственного экстремизма у студентов-первокурсников гуманитарного вуза. DOI 10.22394/2079-1690-2020-1-4-225-232 // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 4. С. 225–232. EDN: UJMIAG.
3. Яремчук С. В., Ситяева С. М. Пол, возраст и вид занятости как объективные предикторы экстремистских установок молодежи // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 58. С. 11. EDN: YLPSPWD.
4. Liu R. X., Lin W., Chen Z. Y. School performance, peer association, psychological and behavioral adjustments: A comparison between Chinese adolescents with and without siblings. DOI 10.1016/j.adolescence.2009.07.007 // Journal of Adolescence. 2010. Vol. 33, No 3. P. 411–417.
5. Koomen W., Van der Pligt J. Introduction. The Psychology of Radicalization and Terrorism. New York : Routledge, 2016. 142 p. DOI 10.4324/9781315771984.
6. Саидов А. А. Социально-психологические факторы, обуславливающие склонность молодежи к насильственному экстремизму. DOI 10.18137/RNU.NET.23.02.P.090 // Высшее образование сегодня. 2023. № 2. С. 90–99. EDN: DDBPYC.
7. Воронин М. Ю. Основные группы факторов, детерминирующих молодежный экстремизм // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2021. Том 6, № 1 (11). С. 24–27. EDN: WRSAXK.
8. Темирязова Л. Р. Молодежный экстремизм: социально-педагогический аспект // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Том 8, № 6. С. 93. EDN: YEVFVW
9. Бовина И. Б., Бовин Б. Г., Тихонова А. Д. Радикализация: социально-психологический взгляд (Часть I). DOI 10.17759/psylaw.2020100309 // Психология и право. 2022. Т. 10, № 3. С. 120–142. EDN: WZFGOC.
10. Гайворонская И. Б., Фомина Т. Ф., Аманжолова Б. А. Вербовка в экстремистские и террористические организации посредством сети Интернет. DOI 10.17759/psylaw.202010041 // Психология и право. 2020. Том 10, № 4. С. 152–165. EDN: PXMDHR.
11. Dooijse B., Loseman A., Van den Bos K. Determinants of Radicalisation of Islamic Youth in the Netherlands: Personal Uncertainty, Perceive Injustice, and Perceived Group Threat. DOI 10.1111/josi.12030 // Journal of Social Issues. 2013. Vol. 69 (3). P. 586–604.
12. Джембек Ю. И., Моторина П. А., Ефремова А. В. Психологические предикторы экстремизма и особенности их проявления у студентов педагогического вуза // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 74 (4). С. 273–275. EDN: BRQFLX.
13. Рамазанова З. А., Гребенюк А. А. Психологические особенности личности как фактор противодействия экстремизму в студенческой среде // Обществознание и социальная психология. 2022. № 6 (36). С. 79–83. EDN: FOMOLS.
14. Ситяева С. М., Яремчук С. В. Субъективные и объективные предикторы экстремистских установок молодежи : монография. Комсомольск-на-Амуре : Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, 2019. 166 с. ISBN 978-5-85094-653-1. EDN: BXDPUY
15. Хадиков С. К. Психологические особенности личности экстремиста // Вестник науки. 2019. Том 3, № 2 (11). С. 58–64. EDN: VTQVQQ.
16. Взаимосвязь конформного поведения и протестных установок современной молодежи / Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Лихачева Э. В., Николаева Л. П., Огнев А. С., Парма Р. В. DOI 10.25629/HC.2021.10.13 // Человеческий капитал. 2021. № 10 (154). С. 95–101. EDN: FGZUCM.
17. Кроз М. В., Ратинова Н. А. Ценностные ориентации преступников-террористов. DOI 10.17759/psylaw.2022120208 // Психология и право. 2022. Т. 12, № 2. С. 99–110. EDN: VACOUY.
18. Ищенко Д. П., Григорян Д. К. Молодежный экстремизм как способ самореализации в обществе и достижения власти // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 2 (129). С. 139–143. EDN: ZYDDHV.
19. Gender in the jihad: Characteristics and outcomes among women and men involved in jihadism-inspired terrorism / Brugh C. S., Desmarais S. L., Simons-Rudolph J., Zottola S. A. DOI 10.1037/tam0000123 // Journal of Threat Assessment and Management. 2019. Vol. 6. P. 76–92.
20. Казберов П. Н., Бовин Б. Г. Общая характеристика лиц, осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности. DOI 10.17759/psylaw.2019090103 // Психология и право. 2019. Том 9, № 1. С. 36–53. EDN: VWUZUG.
21. Формы, методы и технологии профилактики и противодействия проникновению идеологии экстремизма и терроризма в образовательную среду / Ремарчук В. Н., Бочарников И. В., Семикин Г. И. [и др.]. Москва : Издательство «Экон-Информ», 2019. 255 с. ISBN 978-5-907057-83-8. EDN: ZAEISP.

22. Княхин В. П., Петровский А. В., Батютина Т. Ю. Предупреждение экстремизма в молодежной среде: поиск оптимальной модели. DOI 10.24158/rep.2021.10.5 // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 10 (99). С. 36–41. EDN: AUUCBE.

REFERENCES

1. Dechina E. I., Merkulova A. N. (2019), "Youth as Most Susceptible Demographic Group to Online Extremism and Terrorism Influence", *OVERVIEW.NCPTI*, No 1 (16), pp. 54–61.
2. Yaroshenko G. V., Beluzhenko O. V., Ivanova L. L. (2020), "Multi-Faceted Study of Dispositions of Violent Extremism Among First-Year Students of Humanities Universities", *Government and Municipal Administration. Scholarly Notes*, No 4, pp. 235–232, DOI 10.22394/2079-1690-2020-1-4-225-232.
3. Yaremchuk S. V., Sityaeva S. M. (2018), "Gender, Age and Type of Employment as Objective Predictors of Youth Extremist Attitudes", *Psychological Research*, Vol. 11, No 58, p. 11.
4. Liu R. X., Lin W., Chen Z. Y. (2010), "School performance, peer association, psychological and behavioral adjustments: A comparison between Chinese adolescents with and without siblings", *Journal of Adolescence*, Vol. 33, 3, pp. 411–417, <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2009.07.007>.
5. Koomen W., Van der Pligt J. (2016), "Introduction. The Psychology of Radicalization and Terrorism", New York, Routledge, DOI 10.4324/9781315771984.
6. Saidov A. A. (2023), "Socio-Psychological Factors Conditioning Young People's Propensity Towards Violent Extremism", *Higher Education Today*, No 2, pp. 90–99, DOI 10.18137/RNU.HET.23.02.P.090.
7. Voronin M. Yu. (2021), "Main Groups of Factors Determining Youth Extremism", *Scientific Notes of Kazan Legal Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia*, Vol. 6, No 1 (11), pp. 24–27.
8. Temirezova L. R. (2020), "Youth Extremism: Socio-Pedagogical Aspect", *World of Science. Pedagogy and Psychology*, Vol. 8, No 6, p. 93.
9. Bovina I. B., Bovin B. G., Tikhonova A. D. (2020), "Radicalization: Socio-Psychological Perspective" (Part I), *Psychology and Law*, No 3 (10), pp. 120–142, <https://DOI:10.17759/psylaw.2020100309>.
10. Gayvoronskaya I. B., Fomina T. F., Amanzholova B. A. (2020), "Recruitment into Extremist and Terrorist Organizations via Internet", *Psychology and Law*, Vol. 10, No 4, pp. 152–165, <https://doi:10.17759/psylaw.202010041>.
11. Doosje B., Loseman A., Van den Bos K. (2013), "Determinants of Radicalisation of Islamic Youth in the Netherlands: Personal Uncertainty, Perceive Injustice, and Perceived Group Threat", *Journal of Social Issues*, Vol. 69 (3), pp. 586–604, <https://doi:10.1111/josi.12030>.
12. Dzhebek Yu. I., Motorina P. A., Efremova A. V. (2022), "Psychological Predictors of Extremism and Their Manifestation Among Students of Pedagogical Universities", *Problems of Modern Pedagogical Education*, No 74 (4), pp. 273–275.
13. Ramazanova Z. A., Grebenyuk A. A. (2022), "Psychological Features of Personality as Factor Against Extremism in Student Environment", *Social Science and Psychology*, No 6 (36), pp. 79–83.
14. Sityaeva S. M., Yaremchuk S. V. (2019), "Subjective and Objective Predictors of Youth Extremist Attitudes", Monograph, Komsomolsk-on-Amur, Amur State Pedagogical University, ISBN 978-5-85094-653-1.
15. Khadikov S. K. (2019), "Psychological Characteristics of Personality of Extremist", *Bulletin of Science*, Vol. 3, No 2 (11), pp. 58–64.
16. Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Likhacheva E. V., Nikolaeva L. P., Ognev A. S., Parma R. V. (2021), "Relationship Between Conformist Behaviour and Protest Attitudes of Contemporary Youth", *Human Capital*, No 10 (154), pp. 95–101, <https://doi:10.25629/HC.2021.10.13>.
17. Kroz M. V., Ratina N. A. (2022), "Value Orientation of Criminal-Terrorists", *Psychology and Law*, Vol. 12, No 2, pp. 99–110, <https://DOI:10.17759/psylaw.2022120208>.
18. Ishchenko D. P., Grigorian D. K. (2021), "Youth Extremism as a Way of Self-Realization in Society and Achievement of Power", *Science and Education: Business and Economics; Entrepreneurship; Law and Governance*, No 2 (129), pp. 139–143.
19. Brugh C. S., Desmarais S. L., Simons-Rudolph J., Zottola S. A. (2019), "Gender in the jihad: Characteristics and outcomes among women and men involved in jihadism-inspired terrorism", *Journal of Threat Assessment and Management*, Vol. 6, pp. 76–92, <https://doi:10.1037/tam0000123>.
20. Kazberov P. N., Bovin B. G. (2019), "General Characteristics of Persons Convicted for Extremist and Terrorist Offences", *Psychology and Law*, Vol. 9, No 1, pp. 36–53, DOI 10.17759/psylaw.2019090103.
21. Remarchuk V. N., Bocharnikov I. V., Semikin G. I. [et al.] (2019), "Forms, methods and technologies for preventing and countering the penetration of the ideology of extremism and terrorism into the educational environment", Moscow, Econ-Inform Publishing House, 255 p., ISBN 978-5-907057-83-8.
22. Konyakhin V. P., Petrovsky A. V., Batyutina T. Yu. (2021), "Prevention of Extremism Among Young People: Searching for Optimal Model", *Society: Politics, Economy, Law*, No 10 (99), pp. 36–41, <https://doi:10.24158/rep.2021.10.5>.

**Информация об авторах:** Филиппова С.А., доцент кафедры психологии и педагогики, ORCID: 0000-0003-2245-3599, SPIN-код 9123-7497. Пазухина С.В., заведующий кафедрой психологии и педагогики, ORCID: 0000-0003-3190-3520, SPIN-код 8795-5528.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 04.09.2025.

Принята к публикации 18.10.2025.